
НОВЫЙ ТРУД О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИТАЛИИ

Археологическое изучение Италии, естественно, стимулирует интерес к ее древнейшей истории. Благодаря именно археологическим данным были переосмыслены свидетельства античной традиции, что позволило рассматривать древнейшую Италию не как объект легенд, а как подлинно историческое явление. В последнее время в историографии, особенно итальянской, все более значительное место занимает глоттология. Это направление наиболее отчетливо и плодотворно представлено в работах известного лингвиста Э. Перуцци. Он декларирует принцип комплексного использования источников различных типов и неуклонно следует этому принципу в целой серии своих

трудов, которая пополнилась теперь новой книгой «Микенцы в раннем Лацио»¹. В ней затрагиваются проблемы, бывшие ранее предметом изучения Перуцци, однако новая монография отнюдь не является повторением предшествующих, и круг затронутых в книге вопросов шире, чем в прежних работах.

Книга состоит из двух частей. Главы I (Древние источники, с. 1—32) и II (Лингвистические критерии, с. 33—56) образуют раздел «Традиция и лингвистика». Главы III—VIII объединены темой «Аспекты микенской культуры в Лацио». Затем следуют два Приложения, имеющие характер самостоятельных очерков. Э. Перуцци свойственно осторожное отношение к сообщениям источников и их тщательная обработка в сопоставлении с другими видами памятников. Он обычно оговаривает разные возможности их интерпретации, прежде чем вынести окончательное суждение, и это способствует убедительности основных выводов.

В качестве выдумки древних рассматривались сведения о том, что жившие в глубине материка аркадцы пустились в морскую экспедицию и достигли Италии. Э. Перуцци напомнил, что и в троянском походе жители Аркадии участвовали, отправившись туда на аргивских кораблях, что могло иметь место и в случае с миграцией аркадцев совместно с аргивянами в Италию. В самом деле среди спутников Эвандра упомянут Анторес, а во главе его флота — Катилл, сын Амфиарая, которому приписывается основание Тибура. Нам кажется особенно показательным, что в римских Аргеях и Argea Iosa прослеживается связь с аргивянами.

Так же как и ранее, Э. Перуцци останавливается на сомнительном сообщении древних о необычном долголетии аркадцев: Никострата была убита в возрасте 110 лет, а иные доживали и до 300 лет. Привлекая свидетельство Плутарха о том, что у некоторых народов каждый годовой сезон считался за год, последователю удастся объяснить это подозрительное неправдоподобие рассказа.

Э. Перуцци делает также ряд новых важных наблюдений. Поскольку греческие колонии были, как теперь известно, основаны в Италии в VIII в. до н. э. в месте, ранее уже известном грекам, можно думать, что и группа Эвандра отправлялась не в неизвестность. Это находит подтверждение в сообщении Дионисия (II, 12) о том, что Лаций до Эвандра уже посетили энотры, которых галикарнасцев считает аркадским племенем, а также в свидетельствах того же Дионисия (I, 31) и Аврелия Виктора (Or. 5, 3) о том, что аркадский герой последовал совету своей пророчицы-матери, которая могла знать о поселении Палацциум и рассматривала это как хорошее предзнаменование: название Палацциум напоминало аркадцам название их родного Палантейона. Очень существенны соображения Перуцци относительно других причин привлекательности этого места для аркадцев. Как отмечает Перуцци, Via salaria шла в сабинскую землю не от моря, а именно из Рима, от Коллинских ворот. Между тем соль добывалась в устье Тибра, где, как считают, Анк Марций учредил соляные промыслы. Но они несомненно существовали и раньше, так как уже Ромулу приписан их захват у веинтов (Dionys., III, 41). До Анка Марция, по традиции, порта на Тирренском побережье у римлян не было, и суда поднимались вверх по реке вплоть до римских холмов. Вероятно, не случайно у Porta Portuensis в Риме находились соляные склады (salinae). Таким образом, микенские торговцы действительно могли достигать месторасположения будущего Рима на своих судах, где был известный им эмпорий. Отсюда делается правомерное предположение, что Палацциум мог быть местом, откуда микенское культурное влияние распространялось не только на туземных аборигенов, но и на альбанцев и сабинян, которые, как считает Перуцци, были более восприимчивы к культурным достижениям микенцев².

Очень интересен в книге анализ имен аркадских героев. На наш взгляд, Перуцци более обоснованно, чем прежде³, доказывает, что имя Эвандра в обеих частях — ми-

¹ *Peruzzi E. Mycenaean in Early Latium. With an Archaeological appendix by Lucia Vagnetti. Roma: Dell'Anteneo e Bizzari, 1980, 184 p., pl. XII.*

² В предыдущих своих работах исследователь также отмечал культурное превосходство сабинян, опираясь преимущественно на биномический характер их имен и на почетное положение женщин в их обществе (*Peruzzi E. Origini di Roma. V. I. Bologna, 1970, p. 34*). Нам представляются эти соображения по меньшей мере спорными.

³ *Idem. Aspetti culturali del Lazio primitivo. Firenze, 1978, p. 48—51.*

кенское. Что же касается Никостраты, то безоговорочно микенской является вторая половина ее имени. Для признания микенского характера Ντκη данных недостаточно. Однако гораздо важнее, с точки зрения исследователя, то, что мать Эвандра была отождествлена греками с нимфой Фемидой. У Гомера (Od. II, 68—69; II. 20, 4) Θέμις имеет значение не только божественной справедливости, аналогичной римской *Fas*, но и значение оракула, что во времена Дионисия греками было уже забыто. Из этого Э. Перуцци делает остроумный вывод о том, что Θέμις было прозвищем Эвандровой матери, обладавшей пророческим даром, и как раз этим и объясняется ее латинское имя Кармента (от *carmen* < **carmen* < *cano*).

Дионисий (I, 34) передает, что Фемида была аркадской нимфой, но в греческой мифологии она была богиней. Стало быть, замечает автор книги, греки называли Фемиду нимфой в первоначальном значении этого слова — «невеста», в то время как Θέμις было превращено в теоним. Соответствие этого слова лат. Карменте доказывает существование у греков традиции об Эвандре и Никострате в архивавшие времена, т. е. до Гомера, когда Θέμις еще означало «оракул», «пророчество». Римская версия, как показывают два варианта имени Эвандра (*εβανδρος* > **Euandros* > *Euandrus* > *Euan-der*), — более поздняя, но греческие имена, с которыми знакомилась римская публика, вначале видоизменялись, а затем среди образованных людей вновь употреблялись в первоначальной форме. Перуцци приводит тому бесспорные свидетельства. Ограничимся здесь одним примером. Бог Аполлон, согласно Павлову извлечению из словаря Феста, раньше назывался в Риме *Apello* в полном соответствии с дорийской формой Ἀπέλλων, что позволяет исследователю полагать, что эта форма, подобно оесской (известен род. пад. *Appelluneis*), была воспринята в Центральной Италии от италийских греков. Но в компендиуме Павла говорится, что существовал еще один вариант этого теонима — *Aperta*, который объясняется в традициях народной этимологии тем, что оракулы (*responsa*) бога даются с открытого треножника. Привычная нам литературная форма *Appollo* — это возврат к форме, близкой греческому оригиналу в письменной передаче греческого имени божества. *Aperta* свидетельствует об устной его передаче и о более раннем его появлении в латинском обиходе.

Весьма интересным с точки зрения истории раннего Лация и в источниковедческом плане представляется выявление собственно латинских элементов в саге, например победа Эвандра над престепицами и убийство царя Эрула.

Завершая рассмотрение традиции об аркадском поселении на Палатине, Перуцци обращает внимание на то, что: 1) она не носит этиологического характера (а это, по мнению автора, должно настораживать исследователя) и 2) аркадцы в ней фигурируют как малочисленная группа отнюдь не первых иммигрантов, запомнившаяся прежде, всего в силу своего культурного превосходства над аборигинами (главное, что их сделало достойными памяти, отмечает Перуцци, — это письменность и музыка).

Исследователь отдает себе отчет в том, что «чудо письменности» — весьма уязвимая часть предания: трудно представить, чтобы о нем помнили в бесписьменной среде, каковым был Лаций в конце бронзового и начале железного века. Но стихи из «Илиады» (VI, 168—170) упоминают тиринфского царя Пройта, который по навету своей жены, безуспешно пытавшейся соблазнить Беллерофонта, решил погубить юношу и послал его к ликийскому царю с письмом, в котором просил убить Беллерофонта. Ссылка на Гомера дает повод Перуцци утверждать, что народ может очень долго помнить об утраченной письменности, и нет оснований думать, считает автор, что Лаций был в этом смысле исключением. Но о какой аркадской письменности может идти речь? Ведь в Греции известны две стадии развития графической культуры: 1) линейное *B* и кипрское силлабическое письмо, 2) алфавитное, введенное, по легенде, Кадмом. Перуцци напоминает, что и в древнейшей Италии были известны две стадии развития письменности: 1) эгейская, представленная на керамике культуры Милацци (1400—1200) на Эолийских о-вах, по-видимому, в виде каких-то клейм; 2) греческое алфавитное письмо, документированное находками в Питекуссе, как минимум, VIII в. до н. э. Перуцци подметил, что в италийской традиции обычно говорится не об изобретателе письма, а о введении Эвандром, Геркулесом или пеласгами уже существующего. Причем все источники приурочивают введение письменности к тому времени, которое можно определить приблизительно как XIII в. до н. э. Поскольку эта дата для алфавитного письма является слишком ранней, а для линейного *A* слишком поздней, Перуцци приходит

к закономерному выводу о том, что письменность, введенная аркадцами, должна была быть линейным письмом В.

Итак, на основании ряда заключений в книге формулируется положение о том, что традиция об аркадском поселении Эвандра не может считаться выдуманной. Вместе с тем Перуцци не считает ее достаточно подтвержденной археологически. На наш взгляд, неправомерно игнорировать множество археологических свидетельств греческого присутствия для всей Италии, в том числе для сопредельных Риму районов, и полагаться, как это делает автор книги, только на местные находки микенского происхождения. До недавнего времени их вообще не было, сейчас они есть, но крайне малочисленны, и оценивать их значение следует, по нашему мнению, во всеиталийском контексте, подобно тому как это делает К. Остенберг для тосканского города Луни⁴.

Конечно, закономерности лингвистических законов перехода звуков при заимствовании слов одного языка другим или в выявлении их общих предшественников игнорировать не приходится. Поэтому установление автором лингвистических критериев — очень важная и ценная часть его работы. Прежде всего из анализа языкового материала выявляется правило исчезновения предконсонантного s в латинских заимствованиях из греческого микенского времени. При этом в начале слова φ переходит в латинское f (σφίδες > fides), а в середине происходит замена φ на p. Последнее параллельно переходу срединного и.-е. *bh- в греческое φ и лат. b, что совмещает латинский язык от умбрского и осского, обнаруживающих развитие и.-е. *bh- в f. Аналогичную альтернативность развития и.-е. *bh- в f в начале слова и в p в середине дает и сабинский язык. Вместе с тем указанный параллелизм, по мнению Перуцци, не предполагает того, что греческие слова пришли в латинский через посредство сабинского, хотя совсем исключить этого нельзя.

Кроме важного факта установления микенского происхождения ряда слов, свидетельствующих об определенном культурном уровне населения, Перуцци видит в регулярных звуковых соответствиях этих слов ключ к определению относительной хронологии многих грецизмов в латыни. Переход типа σφίδες > fides, т. е. φ > f в первом слоге, предшествует переходу типа Φοίνιξ > Poenus, т. е. φ > p. Первый вариант относится ко времени между существованием общего и.-е. языка (который реконструируется) и документированными языками Центральной Италии (так называемая II архаическая фаза).

В качестве третьего показателя микенской принадлежности латинских слов в книге предлагаются соответствие греческого π латинскому b типа στόπος > tubus, πυρός > >burgrus, при наличии микенского pu-wo (purswo), и Πύξος > buxus при pu-co-so (puksos).

Лингвистическая методика дает положительные результаты и для прояснения этнической ситуации в раннем Риме. Язык Рима XIII в. до н. э. неизвестен. Но свет на решение этой проблемы бросает подмеченное Перуцци соответствие между микенским phog^w и латинским forb-*ea* (пища), g^woukaḡ > bucar (сосуд), *wlux^w arkádes > lupercales, т. е. g^w > b, k^w > p, хотя для латинского характерен переход g^w > u. Переход g^w > b присущ осскому, и поэтому автором делается заключение, что такое важное для скотоводческого Рима слово, как bos, могло войти в язык будущих римлян вместе с приходом носителей аналогичного диалекта на притибрские холмы. Перуцци считает возможным объяснить подобные явления также различием между городской и сельской жизнью. Так как на месте Рима города еще не было, городская латынь могла прийти только из Альбы (так, bos и lupus происходят не из отдаленных районов, тем более что в самнитском «волк» обозначался словом hirpus). Указанные слова, по мнению автора книги, принадлежат диалекту местных пастухов, пасших в районе будущего Рима скот альбанских «лендлордов» (с. 55). Заметим в связи с этим, что если нельзя не согласиться с установлением разных элементов в языке древнейшего Рима в соответствии с его этнической мозаичностью, то употребление термина «лендлорд» вряд можно признать удачным. Для столь глубокой древности ни о каком частном землевладении в Альбе, как показывает пример Рима, речи быть не может.

В последующих главах Перуцци с успехом применяет свою комплексную методику использования источников для выяснения уровня развития примитивного Лация и воздействия на него микенских греков в конкретных областях практической деятельности.

⁴ Ostenberg C. E. Luni sul Mignone e problemi della preistoria d'Italia. Lund, 1967.

Важным показателем развития материальной культуры является вооружение, и этой теме автор посвящает III главу своей книги (с. 57—68). Если ранее Перуцци сумел доказать влияние и в этой области греков на Лаций VIII в. до н. э.⁵, что теперь подтверждено данными археологии⁶, то в рецензируемой работе он обращается ко II тысячелетию до н. э. Немногочисленные свидетельства античной традиции позволяют судить о том, что аборигины были удивлены аркадским вооружением. Поскольку археология пока не предоставляет материалов для проверки сообщений античных авторов, Перуцци обращается к лингвистическому анализу. В латинском языке существуют два слова, образованные от и.-е. *skwoi — в значении «шип, колючка»: это *spica* (колос) и *spina* (колючка). В обоих словах имеет место замена $p < kw$, что характерно для аборигинского субстрата в районе Рима. Вместе с тем, в латыни есть два слова, обозначающие острие метательного снаряда, — *cuspis* и *spiculum* (уменьшительное от *spica*). По мнению Перуцци, безостый колос (*spica*) похож на наконечник, острие (*spiculum*) из оббитого камня. Поскольку лат. *cuspis*, продолжает автор, происходит от микенского *k^w siphis, деривата k^w siphos пилосского архива (нож с металлическим лезвием), можно думать, что с приходом микенцев в Лацию распространились металлические наконечники стрел и копий взамен каменных.

Всестороннему анализу подвергается и слово *balteum*, i, n, или *balteus*, i, m (пояс, перевязь для оружия). Варрон (*de l. l. V, 116*) связывал его с этрусским словом *bul-latum* (то, на чем носится булла). Современные лингвисты, замечает Перуцци, следуют за Варроном, не обращая внимания на то, что звонкое *b* чуждо этрусскому языку. Правда, Эрну порой оговаривает для слов неясного происхождения только этрусское посредничество, но не происхождение. Это касается и целого ряда латинских существительных на *-eo*. Но в Риме *eo* < и.-е. **euo* — самый обычный суффикс в словах, заимствованных из греческого; этрускам такой суффикс абсолютно чужд. При заимствованиях из греческого в этрусский слов на *-eus* обычно происходит замена этого элемента на *-e*, *-es*. Если иметь в виду соответствие $b \sim \lambda$, то *balteum* идентичен *παλτ-ῶν* (дротик кошке), оружие микенской эпохи. Перуцци замечает, что в кносской геральдике встречается *pa-ta-ja* (*paltaiia*), множественное число среднего рода наряду с идеограммой в виде заостренной палки, т. е. дротика. Пилосская таблица подтверждает, что *paltaiia* означало метательный снаряд с металлическим острием. Все это, по мнению автора, доказывает микенское происхождение *balteum* и вместе с тем влияние микенской военной техники на ранний Лаций.

Лингвистический анализ латинских терминов военной сферы подводит Перуцци к вопросу об истории металлургии в Центральной Италии. Он исследует пилосскую таблицу *In 750* с именами кузнецов-бронзистов (*Khalkewes*), которые обозначены в совокупности словом (*pa-ra-ke-te-e-we*) и указанием количества обрабатываемого металла (*talansian ekhontes*). Аналогичные слова находятся и на другой пилосской таблице. Учитывая закономерность $\lambda \sim b$, Перуцци устанавливает соответствие *pa-ra-ke-te-a* и *bractea* (тонкая металлическая пластинка) с типичным в заимствованных из иностранного латинских слов переходом множественного числа среднего рода в единственное число женского рода. Из лингвистического анализа Перуцци проистекает его закономерный вывод о внедрении микенской металлургической техники в экономику Центральной Италии, что явилось следствием развития торговли в Западном Средиземноморье.

Множество металлических пластинок, заготовок для наконечников стрел было обнаружено Эвансом на Крите и на Балканском п-ове. Их небольшие размеры объясняет термин *k^w sphis > *cuspis*.

Достоверность традиции об основании поселка на месте будущего Рима аркадцами, прибывшими с Эвандром, также проверяется Перуцци с помощью свидетельств лингвистики в IV главе его книги (с. 69—84). Автор исходит из верной посылки, что указанный факт должен быть подтвержден наличием микенских элементов в латинской архитектурной, строительной терминологии. В свое время Эванс выдвинул положение о том, что сходство построек в древнейшем Лации и в эгейском мире может быть объяснено существованием общих для этих районов предшественников. Развивая эту мысль, Пе-

⁵ *Peruzzi E. Origini di Roma. V. 2. Bologna, 1973, p. 55—79.*

⁶ *Scavi e scoperte.— SE, v. 45, 1975, p. 434—435.*

руцци подчеркивает, что факт заимствований и здесь получит подтверждение лишь при условии соотнесения археологических материалов с соответствующими их латинскими наименованиями и свидетельствами о культурном развитии Лация. Исходя из этого, исследователь рассматривает сообщения Дионисия (I, 79) и Витрувия (II, 1, 5—6) о хижине Ромула на Капитолии.

Согласно Витрувию, строились такие хижины с помощью вертикально поставленных одного в центре и остальных по периметру вилообразных столбов (*furcae*), между которыми вставлялись менее массивные брусья. Такой каркас затем покрывался глиной. Это описание, как известно, получило подтверждение в обнаруженных остатках хижин эпохи раннего железа в грунте Палатина и в урнах-хижинах, дополнивших представления о примитивных римских постройках прежде всего за счет двускатной тростниковой крыши, державшейся на брус, покоившемся на центральном столбе.

Перуцци отмечает, что слово *furca* параллельно греч. *φόρκα*, винительный падеж единственного числа (соответственно во множественном *furcas* и *φόρκας*), и является продолжением греческого слова с заменой *φ* на *f*, характерном при заимствованиях латинского языка из микенского. Латинский вокабулярный знает много терминов кроме *furca*, обозначающих столбы, а именно — *palus*, *stipes*, *sudis* и т. д. На характер заимствования, по мнению Перуцци, указывает и то, что *φόρκας* употребляется в значении «столбы вообще», а *furcae* — в качестве обозначения одного из видов столбов (закрепление узкого специального значения — специфическая черта заимствованных слов).

В рецензируемой книге подвергается всестороннему анализу ряд слов, обозначающих различные части примитивных латинских хижин, как например, широкое окно, расположенное обычно слева от входа в хижину. Латинское название окна — *fenestra* или *feetra* — содержит элемент *-stra*, присущий техническим терминам, заимствованным из греческого (*orchestra*, *palaestra* и т. п.), и, как полагает Перуцци, тоже перенято от микенцев, вероятно, вместе с названием, в котором *φ* было закономерно заменено на *f*. Перуцци отвергает современную этимологию *fenestra* от *φαίνω*, восходящую к Ноннию Марцеллу, и приводит сохраненное Макробием (*Sat.* III, 128) свидетельство современника Цицерона о том, что Эниий употреблял слово *feetra* для обозначения небольшого отверстия в святилище. Перуцци стремится доказать, что развитие *feetra* > *fenestra*, как и *fenestra* > *feetra*, лингвистически невозможно. Эти слова, по его мнению, должны иметь общего предшественника в каком-то трехсложном слове и теоретически его можно представить в виде либо *fehestra*, либо *feyestra*, либо *fewestra*. Если обратиться к греческому наименованию окна, а по Гесихию, «отверстие, окно» — *φωστῆρ* *θυρίς* то надо, по мнению Перуцци, остановиться на *φᾶος* < **φαρος* род. пад. *φᾶος* < *φᾶεος* (атт. *φᾶς*, *φᾶός* «свет»). Его аргондское производное — *φᾶστῆρ*, *ἡρος*, дающее представление о более ранней форме **φαφᾶστῆρ*, т. е. о слове с суффиксом, несущим значение действующей силы, вещества или инструмента, засвидетельствованном в микенском. Наиболее близким к **φαφᾶστῆρ*, винительным падежом единственного числа является теоретически возможный предшественник слов *fenestra* и *feetra*, т. е. **fewestra*. Таким образом, заключает Перуцци, заимствование латинского слова из микенского произошло по обычной модели, в форме винительного падежа, как это бывает при употреблении слов.

В этой связи хотелось бы отметить еще одно содержащееся в книге соображение: каждая из двух форм — *feetra* и *fenestra* — циркулировали в Риме одновременно, но в разной среде. В ученом языке жрецов удерживался близкий к подлиннику вариант *feetra*, а в народном языке, вероятно в связи со словом *fenum* (сено, солома), утвердился вариант *fenestra*, потому что дома древних поселенцев Лация покрывались тростником или соломой.

В дополнение к этому Перуцци касается слова *trabs* (брус.) Как явствует из находок урн-хижин, иногда верхние концы *furcae* связывались с поперечными брусьями, что обеспечивало прочное крепление столбов и поддерживало стропила соломенных крыш. Но в некоторых моделях встречается горизонтально положенный на коньке крыши брус, к которому прикреплялись концы стропил обоих скатов крыши. Этимологию *trabs* связывают в науке обычно с греч. *τράφῆξ* — брус в осадной машине, планшир для уключины весла. Гесихий приводит другие диалектные формы, например, *τράπεξ* (копье), *τρόφῆξ* *τρόπιῆξ*, (последние происходят от *τρόπος*, аттестованного Мосхом III в. до н. э.). Этим словом и поныне называют на Эвбее изогнутые брусья, на которые кла-

дут бочки. Τράπεζ является диалектным вариантом τρόπηξ, предполагающим предшественника в * τράπος (брус). На этом основании Перуцци высказывает предположение, что лат. trabs может восходить к греческому предшественнику с заменой b < π, специфичной для заимствований из языка микенцев.

К строительному вокабулярию относится и слово clavīs (ключ). Греческие слова для ключа — это дор. κλαῖς, ἴδος и дор. κλάξ, κλαῖκός,¹ представленные двумя основами, которые являются развитием предшествующей основы на -d, засвидетельствованной в микенском ka-ra-wi-ro-ro, т. е. носитель ключа, очевидно жреческая должность на Пилосе — klāwiphoros. Другое возможное слово — klāwid-ískos/κλαΰδισκος, подобное микенск. ti-ti-ro-di-ko (tripodískos). Микенск. klawi-phoros имеет то же значение, что и жреческие титулы в алфавитном греческом — κληΰφορος и κλακφορος, но отличается от них по форме. Несмотря на сходство звучания лат. clavis (ключ) и clavus (гвоздь), исследование устройства запора урны-хижины приводит Перуцци к заключению о том, что это семантически различные предметы. Но микенское слово *klāwis (ключ) идентично латинскому clavis (ключ) и по значению и по форме, что дает ему право считать последним заимствованием из греческого микенской эпохи, вероятно от вин. пад. ед. ч. klāwin.

Приведенные рассуждения подкреплены подмеченным еще Эвансом фактом удивительного сходства между урнами-хижинами Крита, а также Лация и Этрурии раннего железного века. Но Эванс, как известно, считал это результатом независимого, параллельного развития примитивных обиталищ. Теперь арсенал археологических свидетельств значительно расширился. Перуцци получил возможность учесть следующее: 1) на Палатине в районе Гермала обнаружены следы хижины меньшего размера, чем остальные, и без углубления для центрального столба, что говорит о наличии более примитивного типа жилищ в раннем Лации;² 2) и в Южной, и в Центральной Италии, и на прилегающих островах имеется множество предметов, импортированных из Эгейского мира, а также изготовленных по их образцу, что сделало прямые культурные связи этих районов Средиземноморья несомненными; 3) самые ранние урны-хижины восходят по меньшей мере к X в. до н. э., но их появление связано с определенными погребальными обрядами и представлениями о загробной жизни, так что реальные хижины-жилища безусловно древнее самой ранней урны.

То обстоятельство, что урны-хижины засвидетельствованы на Крите для позднемикенской, но не для микенской эпохи, может, по мнению исследователя, быть объяснено религиозными представлениями. Все это в совокупности с результатами лингвистического анализа и позволяет Перуцци обоснованно утверждать, что аркадские пришельцы оказали на примитивный Лаций неоспоримое влияние в области строительства.

В V главе книги, посвященной тканям (с. 85—100), Перуцци замечает, что традиция и лингвистические свидетельства говорят в пользу аркадского происхождения римской тоги, полукруглого одеяния, в отличие от прямоугольного греческого гиматия, соответствующего латинскому палию. Для середины VI в. закрученные плащи были засвидетельствованы в произведениях этрусского изобразительного искусства, и в связи с сообщением Плиния (NH, VIII, 195) стало общепризнанным рассматривать пурпурную тогу в качестве неотъемлемого элемента этрусской культуры. Перуцци, однако, склонен более доверять свидетельствам античных авторов, относящих тогу к одежде Ромула и к салиям, учрежденным Нумой. О доромуловом обычае носить тогу говорит, по мнению автора книги, cinctus Gabinus, особый способ ношения этого одеяния у древних латинян.

Римляне и этруски, как известно, называли греческий полукруглый плащ τῆβεννος (Dionys. III, 64). Автор II в. н. э. Артемидор (Oneir. II, 3) называл тебенной римскую одежду по сходству с манерой ношения аркадцем Теменосом своей короткой мантии (χλαμύς). У грамматика II в. н. э. Поллукса (VII, 64) говорится, что статуи Битона и Клеобиса в Аргосе, созданные в VI в. до н. э., облачали в архаическое одеяние на манер римской тоги, называемой τῆβεννίς. Упоминание Аргоса, морских ворот аркадцев, по мысли Перуцци, согласуется с античным рассказом о ввозе тоги в Италию через Ионический залив, где у Япигского мыса (совр. Санта Мария ди Леука) высадился Певкет и где сейчас найдено множество микенской керамики. Эти данные исследователь сопоставляет с данными кносской, пилосской и фиванской эпиграфики о женщинах,

ткавших шерсть, te-pe-ja. Слово это связано с te-ра, означающим плотную шерстяную ткань. В лексиконе Суды сказано, что аркадская одежда, ввозимая в Италию, называлась *χλαρίς*, т. е. была шерстяной, но и римская тога была из белой шерсти. Это наталкивает Перуцци на признание микенского происхождения римского плаща, получившего свое латинское наименование от *tego* (покрываю).

Отношение между лат. *linum* (лен) и прилагательным *linteus* автор монографии решает не внутри латинского языка, в котором термин имеет *ī*, и не с помощью алфавитного греческого, в котором «лен» имеет *ī*. Микенское название льна *gi-no*, но прилагательное «льняной» образовано, судя по кносской табличке, от другой основы, *li-t*, что обозначало льняную ткань. Это, как полагает Перуцци, произошло потому, что сначала женщины, изготовлявшие льняные ткани, называли *gi-pe-jo* (*lineiai*), что совпадало с обозначением самого материала, а позднее их стали называть *λινουργοί*. Вместе с введением культуры льна аркадками в Лацию было заимствовано и латинское слово *linteus*.

Далее Перуцци напоминает, что в римских религиозных ритуалах было множество пережитков, восходящих к эпохе неолита и бронзового века. Запрет носить льняные одежды для римских жрецов, по мнению Перуцци, указывает на древнее, чужеземное, т. е. микенское, происхождение этих одеяний. В качестве дополнительного и очень убедительного аргумента он приводит второе название льна в латинском, *sabasus* < *κάρπασος* с характерным переходом *b* < *п*.

Также с помощью лингвистического анализа выявлен в книге микенский предшественник лат. слова *gūdens*, -*entis* (веревка, корабельный канат). Этимология этого слова неясна; его корень не связан с *gaudus* или *gūdus* (щобень). Римляне связывали *gudens* с глаголом *gūdo* «реветь, рычать», но это семантически не оправдано. Перуцци присоединился к мнению Эрну — Мейе о заимствованном характере *gūdens*, подобно другим латинским терминам, связанным с мореплаванием, а также согласился с интерпретацией *gu-de-a₂* («ремни») микенской таблицы PYU^b 1318 Чадвиком, что подтверждается глоссой Гесиxia: *ρῦδει· περιπλέκεται*, т. е. «обвивает». Отсюда Перуцци восстанавливает **ρῦδew* > *ρῦδw*, глагол, происходящий от слова с основой на сигму, подобно *τελw* < гомер. *τελέω* ~ *τελείω* < **τελεδ-jo*. Значит, заключает Перуцци, и *ρῦδw* происходит от существительного (а не наоборот) в значении «связывать с помощью *gudos*», что позволяет констатировать сходство латинского и микенского слова не только по форме, но и по смыслу.

Отталкиваясь от традиции о том, что Эвандр получил от Фавна землю на Палатине, Перуцци в VI главе, посвященной агрикультуре (с. 101—117), исследует словарь латинских терминов, относящихся к сельскому хозяйству. В частности, в поле зрения попадают три слова неизвестного происхождения, начинающиеся с *veru-*: 1) *verueh* (*verbech*, *berbech*) — выхолощенный баран, 2) *veruō* — окружать, 3) *veruacuum* — земля под паром. С точки зрения формы *veruacuum* может предшествовать **voruacuum*, явно связанное с греч. *ῥορφος ἀκτιτος* или *ῥορφος ἀκτιτον*, где *ἀκτιτος*, *ov* — «необработанный». В фонетическом плане этимология, по мнению Перуцци, безупречна, и к тому же латинский продолжает реческое выражение в винительном падеже, что указывает на заимствование из разговорного языка в устной форме.

Исследователь демонстрирует безупречность предложенной этимологии и в семантическом плане, сопоставляя данные алфавитного греческого языка и микенского. В первом **ῥορφος* > *ῥρος* — граница поля, межевой знак, во втором *woŋwos* употреблялось в смысле «граница, ограниченная земля, т. е. участок». Есть в микенском и прилагательное, определяющее земельный участок: *a-ki-ti-to* (*aktitos*). Из общего смысла пиловских табличек (PY 424) выявляется его значение земельной площади. Но пиловские тексты (PUNa926) представляют случай, когда *woŋwos* связывается с подсчетом ожидаемой продукции. Это вызывает возражение Чадвика против понимания *aktitos* как невозделанной земли. Однако Перуцци учитывает, что в латинском различаются *veruacuum* — земля, находящаяся под паром часть года, и *novale* — земля, засеваемая через год. Поэтому, как считает автор, микенское прилагательное связано с латинским выражением **vorvom ak(ti)tom* > *veruacuum* непосредственно, аналогия которому в позднем греческом, т. е. в сочетании обих элементов, не встречается.

Микенское происхождение *veruacuum* позволяет Перуцци объяснить этимологию *vervō* — окружать. Павел Диакон упомянул, что это слово употреблено Энном

в переносном смысле определения площади города путем проведения борозды. Значит, *vergū* относится к ритуалу основания города, называемому этрусским, но, по мнению автора, этот ритуал восходит к бронзовому веку, во всяком случае он предшествует IX в. до н. э. и основанию первой греческой колонии в Питекуссе. В пользу этого толкования исследователь приводит свидетельства традиции: Ромул следовал этрусскому обычаю, но его плуг имел бронзовый, а не железный лемех; сам же он, исполняя ритуал, был облачен в тогу на манер *cinctus Gabinus* (Plut., R. II, 1—2).

Следует упомянуть еще одно замечание Перуцци. Латинское *vorvus* обозначало издревле и площадь города, ограниченную бороздой, и саму эту борозду. Но в латинском имелось еще одно слово для обозначения борозды — *sulcus*, которое употреблялось в обыденной речи, в то время как *vorvus* использовалось в качестве специального термина эпохи Августа для названия борозды, проводимой при основании колоний.

Употребление таких слов, как *vervactum*, *novale*, *restibilis*, свидетельствует, по мнению автора книги, о практике севооборота и одновременно о влиянии микенцев на агрикультуру Лация. Эти лингвистические данные подтверждают сохранные Аврелием Виктором (Ог. 5, 3) сведения о том, что Эвандр первым познакомил Италию с тщательной практикой посева и с пахотой с помощью упряжки волов. Поскольку *segb* («сеять») — подлинно латинское слово, было бы неверным считать сеяние чужеземным нововведением, и, видимо, роль Эвандра, по мысли Перуцци, заключалась в введении регулярного севооборота, повышавшего урожайность. Данные традиции, относящие ритуал проведения борозды к бронзовому веку, позволяют исследователю предполагать, что именно Эвандр ввел в Италии упряжку волов. Это предположение Перуцци подкрепляется доказательством использования пары рабочих быков в микенском сельском хозяйстве⁷. Представляет интерес в этой связи установление автором соотношения между кносским сокращением *ze* = *zēyos* и латинским *iugum*.

В книге отмечается еще один латинский сельскохозяйственный термин, происходящий от микенского, — *forbea*, древнее название пшеницы, которое уже в античности связывалось с греч. *φορβή*. Перуцци отвергает эту связь с переходом *φ* в *f* как лингвистически несостоятельную: по его мнению, *φορβή* имеет предшественника в микенском обиходе (PUn138.2): *po-qa* (*phorg^{wa}* «пшеница»). То, что *forbea* содержит суффикс *-eo* и является по сути субстантивированным прилагательным со значением «предназначенное в пищу», может указывать, считает автор, на микенское влияние относительно способа хранения провизии в Лации. Итак, приписанные Эвандру нововведения, а точнее, усовершенствования в области экономики, т. е. агрикультуры, полученные в работе Перуцци лингвистическое подтверждение, что представляется существенным для характеристики античных источников и способствует более полному воссозданию картины жизни древнейших латинян.

Специальный интерес Перуцци вызывает область религии, которой посвящена глава VII (с. 119—132). Автор еще раз обращается к Потнии, самой главной богине микенского мира, которую обычно называли «госпожой» (например, «госпожа Афин», «госпожа коней», «госпожа зерен» и т. п.). Из пиловских и кносских текстов выявляется ее покровительство ремеслам, художественным и обслуживающим военное дело, что позволило Чадвику считать Потнию предшественницей Афины. На основании микенских, пиловских, кносских и фиванских табличек Перуцци выявляет, что место почитания богини называлось *woikos Potniās*. Рассматривая затем сведения Дионисия (I, 32) о сакральных традициях аркадцев на Палатине, исследователь отмечает, что наиболее важным божеством после Пана была Ника. Первый храм римской Виктории на Палатине был выстроен лишь в 294 г. до н. э., но почитание этой богини восходит к началу царского времени (Plut., R. 24). В связи с этим Перуцци принимает предположение Г. Виссоны о том, что более позднее имя Виктории заменило имя неизвестной богини, с которой ее идентифицировали. Поскольку святилище на Веллии на месте Валериева дома у Ливия и Плутарха именуется святилищем Вики Поты, а у Аскония вслед за Гигином — Виктории, Перуцци приходит к заключению, что неизвестной богиней была именно Вика Пота. На ее былую мощь наводит

⁷ Peruzzi E. Agricoltura micenea nel Lazio.—*Minos*, N. S. 14, f. 1,2, 1973, p. 166—171.

упоминание ее праздника в доюлианском календаре из Анция, а также ее определение в «Откввлении» как матери бога Dies piter, т. е. Юпитера. Почетное положение Вики Поты и обусловило наименование ее Никой и Викторией. Перуцци отмечает, что *Vica* имеет $\bar{i} < ei$, а *woikos* [стоит в цепи] развития: и.-е. **woikos* > лат. *woikos* > *veicus* > *vīcus*. Он высказывает мысль о том, что имя Вики Поты является народной адаптацией микенского обозначения места культа Потнии, т. е. *woikos Potniās*, что для не знающих микенского языка обитателей примитивного Лация казалось двойным именем богини, подобно знакомым им *Anna Perenna* или *Panda Cela*. Это тем более вероятно, что, по мнению Перуцци, из сходства черт микенской Потнии и Афины вытекала связь *woika* с *victoria*: perf. *vici* < *weikei* < **woikai*. Соотнесение имени божества с *perfectum* не единично, как свидетельствует название бога — *Aius Locutius* (Gell. 16, 17, 2). Связь *vinco* с *potior* Перуцци удостоверяет ссылкой на Цицерона: «...если придумывать имена (божеств), то лучше выбрать имя Вики Поты...» (de leg. 2, 11, 28). По контексту следует заключить, что оно связано с укрепляющими дух явлениями (победа, овладение).

В книге отведено место и анализу Луперкалий, которые уже ранее подробно рассматривались автором⁸. Лингвистически *Lupercales* характеризуется как продолжение **wl^wk^w-arçades*, **λυκ-αρκαδες*, т. е. волки-аркадцы. *Lupercales* не могли, по мысли Перуцци, быть местной, латинской формой не только потому, что латинскому чужды сложные, составные слова, но и потому, что *ā* в сложном латинском слове должно было бы претерпеть изменение в *i* или *e* по образцу *ago* (**ad-ago* > *adigo*) или *gradior* (**adgradior* > *aggredior*).

Изучая производные от *Lupercales*, исследователь останавливается на слове *Lupercus*: оно было не именем почитавшегося в *Lupercal* божества, каковым являлся Фавн или Пан, но эпитетом бога, выступающего в качестве отвратителя волков (*lupus* и *arçeo*), или бога берегающего (*lupus*, а, и *arçeo*), так как Луперкой называли волчицу, вскормившую Ромула и Рема.

Подтверждение аркадского происхождения римских Луперкалий Перуцци видит в греческом происхождении слова *februm*, *februum* (очистительное средство, обряд), восходящем к греч. *φεβρῶν*, поскольку луперкам была присуща функция очищения, искупления.

В ряду терминов сакральной сферы стоит *visag*, объясненное Фестом (у Павла) как род сосуда. Этимология этого слова неясна; Эрну — Мейе предполагают его связь с греч. *βόειρος*, которую Перуцци, однако, считает несостоятельной. В анализе слова он исходит из того, что среди серии предметов, перечисленных на шилосской табличке Та 711, 2—3, значится кувшин с ручкой — *qe-ka-na* с определением *qo-u-ka-ka* (в переводе Венгериса — «с бычьей головой»). Данную группу слогов можно прочесть в нескольких вариантах, по первым ее элементом, по утверждению Перуцци, является *g^wou* = *βου* (бык), а вторым — идентичное или близкое *ka-ra* (голова). Таким образом автор книги устанавливает возможность *visag* < микен. **g^wou-ka-ra* или **g^wou-ka-ra-s* (*f-ka-ra*). При этом лингвистический анализ подтверждается наличием в Кноссе и в Микенах ритонов в форме бычьей головы, что убедительно доказывает заимствование ритуального сосуда в раннем Лации из микенского мира. Поскольку археологические аттестации влияния микенского мира в религиозной сфере в виде глиняных статуэток женских божеств или жриц, относящихся к III микенскому периоду (1425—1025), имеются только на Липарах, а в Центральной Италии пока отсутствуют, Перуцци обращает внимание на важное значение лингвистических методов для исследования истории примитивного Лация.

После проведения конкретных исследований, в главе VIII «Перспективы изучения истории латинян» (с. 133—136) Перуцци останавливается на том, что определение заимствований латинским языком из микенского открывает новые перспективы в изучении истории латинян. Но значение таких заимствований обратно пропорционально их числу, что, по мнению автора, обусловлено следующими причинами: 1) недостаточностью лингвистического материала в имеющихся текстах линейного письма В; 2) ограниченностью данных в сохранившейся традиции; 3) трудностями определения имен-

⁸ *Peruzzi. Aspetti culturali...*, p. 29—31.

но микенского предшественника среди слов латинского языка, безусловно заимствованных из греческого, только по формальным признакам.

В качестве важнейшего показателя заимствования Перуцци выдвигает культурное влияние, которое отражает воспринятый латинским языком термин. Обычно он обозначает либо новый для Лация предмет, либо изменение, усовершенствование известного. И все же это не абсолютный критерий, потому что не всякое новшество обогащает язык новым словом. Исследователь приводит тому ясный пример: воспринятое латынью кельтское слово *carrus* стало применяться ко всем видам повозок, вплоть до современного автомобиля.

Отмечая ограниченный характер данных традиции и археологии, используемых в качестве источников, Перуцци вместе с тем осознает и недостаточность применения одних лишь лингвистических критериев. Как и Остенберг⁹, он допускает, что носители апеннинской культуры в Италии были не в состоянии воспринять достаточно высокий уровень микенской культуры; более того, продолжает автор, цивилизованные микенцы растворились в аборигинской среде (ср. Dionys., I, 44), поэтому латинский словарь и не удержал значительного количества микенских слов. Это же, по мнению Перуцци, объясняет, почему принесенная Эвандром письменность не стала органической частью культуры латинян, оставив по себе лишь смутное воспоминание, подобно тому как это произошло на Эолийских островах с элементами эгейской культуры.

Признавая влияние микенских, а также последующих пришельцев на культуру Лация раннего железного века, исследователь одновременно предостерегает против безоговорочного соотнесения данных археологии с определенными этно-лингвистическими группами. В этом Перуцци следует принципам итальянской научной школы, четко сформулированным П. Лавиозой-Замботти¹⁰. Автор книги постепенно подводит читателя к выводу, что лишь комплексное использование источников позволяет устанавливать микенское происхождение культурных влияний у аборигенов Лация. Вместе с тем выявление именно микенских истоков словарных заимствований обеспечивает исследователей хронологическими данными древнейшей истории латинян и позволяет, согласно Перуцци, реконструировать древнейшие формы их языка.

Исключительный интерес представляют собой Приложения. В первом — «Микенцы и этруски» (с. 137—150) — Перуцци рассматривает античную традицию об аркадах в Этрурии у поздних авторов — у комментатора Вергилия, Проба (I в. н. э.) и у Иоанна Лида (VI в. н. э.). Проб сообщает, что название аркадского города Тегея в Тусции (Этрурии) было дано городу, основанному аркадцами-изгнанниками (Georg. I, 16). Иоанн Лид рассказывает о гаруснике Тархоне, обнаружившем во время пахоты в борозде крохотного, но взрослого Тагета (Ost. 3). Намереваясь получить от удивительного человека знание каких-то сакральных тайн, Тархон стал задавать ему вопросы, а затем записал ответы. Вопросы задавались жрецом на обычном языке этрусков-италийцев, отвечавший же говорил на ином, непонятном Тархону языке, существовавшем еще до прибытия в Этрурию Эвандра. Перуцци предполагает, что эти сведения восходят к этрусской дисциплине и зафиксированы в *libri Tagetici*. Личное местоимение *ἡμεῖς* в отрывке Лида позволяет говорить о почти дословном цитировании рассказа Тархона, а упоминание Эвандра позволяет автору книги датировать загадочные «этрусские» письма примерно XIII в. до н. э. Эти тексты, по-видимому, были доалфавитными, поскольку введение алфавита древними ошибочно приписано Эвандру (Tac., Ann. XI, 14).

Кроме упоминания в античной традиции об Эвандре в Этрурии Перуцци обращает внимание на само имя Тагет (в греческой передаче *Τάγης*, от которого образовано прилагательное *Ταγητικός*). Известно, что в ранних текстах суффикс *-ικός* встречается почти исключительно у прилагательных, образованных от этнонимов: *Τρώς* > *Τρωικός*, *Πελασγός* > *Πελασγικός*; *Ἀχαιός* > *Ἀχαιικός*; *Τεγεαίτης* > *Τεγεατικός*, *Τεγετητικός*. Поскольку, согласно традиции, аркадцы основали в Этрурии город Тегею, можно думать, что священные тексты на непонятном этрусском языке, которые были сообщены Тархону Тагетом, назывались *Τεγεατικοί*, а в латинизированном виде — *Tagetici*.

⁹ *Ostenberg. Op. cit.*, p. 254.

¹⁰ *Laviosa-Zambotti P. Le origini della civiltà di Villanova secondo le più recenti interpretazioni. — Civiltà del ferro. Bologna, 1960, p. 78.*

Стало быть, личное имя Тагет, заключает автор, — местное, италийское определение тегейца. Таким образом, античные предания об этрусской Тегее и о книгах Тагета рассматриваются Перуцци в качестве фрагментов одной и той же традиции об аркадцах, поселившихся в Этрурии, и существовавшей параллельно с традицией об аркадцах, пребывавших на Палатине. Любопытно, что в обеих сагах аркадцы фигурируют в качестве изгнанников, а местом их исхода являются Паллантейон и находящаяся в 10 км от него Тегея. Это своего рода две волны одной и той же миграции, и, обосновывая свое предположение, Перуцци ссылается на то, что в обоих случаях за аркадцами признается культурное превосходство, отмечается пророческий дар участников экспедиций, чьи личные имена утрачены и заменены прозвищами — Тегеец, Карментис, т. е. Прорицательница. И в Лации, и в Этрурии, подчеркивает автор, традиция фиксирует внимание на привнесенном пришельцами «чужде письменности», датировка знакомства с которой жителей Италии несколько отстоит от введения линейного письма *B* в микенском мире.

Думается, что представление об аркадском присутствии на территории будущей Этрурии уже получило подкрепление в археологии. Об этом свидетельствуют найденные остатки эгейских предметов микенской керамики в трех этрусских центрах бронзового века — в Сан Джовенале, Луни на Миньоне и в Монте Ровелло. Немногочисленность находок заставляет предполагать микенский импорт, который, следуя К. Остенбергу, осуществлялся греками на греческих судах, что обеспечивает реальность присутствия микенцев в районе Тосканы¹¹.

Привлекая свидетельства Иоанна Лиды, Перуцци пытается объяснить наличие точек между словами и внутри слов в этрусских текстах VII—IV вв. из Южной Этрурии и Кампании. В расстановке точек видна определенная система: они стоят либо после согласных в закрытых слогах (tar', halx'), либо после гласных, образующих слог (a'ra, i'ton). Такой же принцип силлабической пунктуации встречается и в венецкой письменности, ведущей, по-видимому, начало от этрусского алфавита. Видные этрускологи уже обращали внимание на этот феномен. В частности, Феттер истолковал наличие этих точек как показатель того, что этруски пользовались первоначально каким-то слоговым письмом, созданным не для их языка. Однако какой была эта письменность, остается неясным: во всяком случае, некоторые считают, что это не было кипрское или линейное письмо *B*. По мнению Перуцци, Иоанн Лид, упоминая доэвандровы тексты, косвенно указывает именно на линейное письмо *B*. В качестве второго косвенного свидетельства Перуцци приводит лекиф из могилы Реголини-Галасси (VII в. до н. э.) с декорровкой в виде разделенных на слоги строк типа *ci sa si se, vi va ue* и т. п. Оба приводимых Перуцци аргумента представляются нам заслуживающими внимания.

В небольшом эссе Перуцци касается вопроса о системе скорописи у римлян. Так, Валерий Проб, автор I в. н. э., рассказал о привычных сокращениях слов при записывании прений в сенате. Конкретные примеры сокращений в тексте песен Салиев привел Фетт. Характерно, что они состояли не только из одной буквы, но и из группы начальных букв, т. е. слогов, типа *pa-parte, po-potissime* и т. п. Грамматик II в. н. э. Теренций Скавр писал, что буква *K* в латинском алфавите сохраняется в его время лишь потому, что служит привычным сокращением таких слов, как *Caput, Kalumna, Kalendae, Caeso* (имя собственное). По свидетельству Скавра, сокращения производились в «слоговой цепи», т. е. в любом месте слова, а не обязательно в начале. Наблюдая подобное явление в монументальных надписях, Линдсей еще в прошлом веке предположил, что элементы скорописи отражают пережитки слогового письма у латинян, этрусков и венецов. Этрусколог Рикс высказал мнение о том, что этрусская пунктуация связана не с алфавитной, заимствованной у греков системой письма, а с иной, основанной не на фонеме, а на слоге. Следы этой системы письма Рикс безуспешно искал в финикийской и эгейской среде. Принимая во внимание, что ранние этрусские тексты обходятся без точек внутри слова, Перуцци приходит к заключению, что этрусская пунктуация не связана с силлабической письменностью. Она развилась с целью сокращения написания, подобно тому как это было и в Риме, на базе алфавитного письма. Именно это обстоятельство не позволяет связать этрусские ре-

¹¹ Östenberg. Op. cit., p. 248.

лигвозные тексты с пунктуацией эгейской слоговой письменности, что убедительно подкрепляет гипотезу Перуцци о присутствии греков в Этруррии в конце II тыс. до н. э.

Нам представляется, что значение рецензируемой работы выходит далеко за рамки отдельных частных выводов. Вероятное знакомство доэтрусской Тосканы с линейной письменностью В в сочетании с обнаруженными там микенскими керамическими и бронзовыми изделиями позволяет говорить о существенном культурном вкладе греков в развитие этого района и заставляет учитывать это обстоятельство при исследовании процесса формирования этрусской культуры.

Второе Приложение (с. 151—168) содержит полную сводку материалов микенского импорта в Центральную Италию, выполненную Люцией Ваньетти. Ею описаны археологические находки в Сан Джовенале, Луни на Миньоне, Монте Ровелло в Этруррии, в Пьедилуко-Контальяно в Умбрии, а также в Кампании, Апулии, Калабрии, на Эолийских островах, в Сицилии, Сардинии, в Северной Италии; составлена географическая карта находок, прослежена динамика развития контактов микенского мира с областями Апеннинского п-ова.

Большой интерес представляют зарисовки и фотографии фрагментов микенских и эгейско-кипрских предметов, обнаруженных в Италии, пилосских табличек, ритона и фрески, а также латинских урн-хижи и следов палатинской жилой хижины.

В заключение хотелось бы высказать некоторые замечания по поводу интересной и содержательной книги Э. Перуцци и прежде всего коснуться вопроса о культурном соотношении аборигов и сабинян, трактовка которого, на наш взгляд, в книге Перуцци не вполне убедительна. Тем не менее обращение Перуцци к этой проблематике заставляет исследователей вновь сосредоточить внимание на решении вопросов, посвященных культурному значению сабинян в конце бронзового и начале железного века. Вызывает некоторое сомнение безоговорочное употребление автором таких этнонимов, как аборигов и этруски. Дело в том, что из-за разноречивых свидетельств античной традиции аборигов трактуется в науке далеко не однозначно, и, вероятно, автору книги следовало бы оговорить свое понимание аборигов. Относительно этрусков из контекста видно, что Перуцци определяет этрусскую принадлежность людей или элементов культуры в географическом смысле, но и на этом следовало бы остановиться специально. Иначе у читателя складывается впечатление, что этруски были современниками Эвандра, т. е. сосуществовали с микенскими греками, а если это так, то исследователь придерживается точки зрения об абсолютной автохтонности этрусков. Коротко говоря, хотелось бы, чтобы исходная позиция автора была более четко сформулирована. Вместе с тем, несмотря на ряд замечаний, необходимо отметить, что Перуцци настоящим исследованием внес существенный вклад в этрусскую проблему, собрал важный материал, характеризующий сложность и неоднородность этрусской культуры, доказал неоспоримое влияние микенского мира на Тоскану конца II тыс. до н. э. На основании подробного анализа разнородных источников с широким привлечением лингвистических данных Перуцци удалось осветить многие стороны жизни доримского Лация и доэтрусской Тосканы.

И. Л. Маяк